Л.Н. Хаховская
СВКНИИ ДВО РАН

К ПРОБЛЕМЕ ЭТНИЧНОСТИ В ЭВОЛЮЦИИ ЧЕЛОВЕКА
(в свете эволюционной концепции Э.Б.Ахназарова)*

В 2002 г. увидел свет фундаментальный труд Э.Б.Ахназарова «Контуры эволюции» – итог многолетних размышлений ученого о сущности и направленности эволюции. Методологический подход Э.Б.Ахназарова состоит в выделении наиболее общих закономерностей развития материальных систем на различных стадиях – неорганической, биологической, социальной. Согласно центральной идее автора, универсальные структуры движения материи обусловлены основным противоречием бытия – между базовыми функциями отражения и воздействия (О и В). Путь разрешения этого противоречия совпадает с направленностью эволюции [Ахназаров, 2002. С. 36]. Отсюда наиболее важным аспектом эволюции является движение к дифференциации на структуры, специализирующиеся на функциях воздействия и отражения. Однако при обособлении фундаментальных функций материи внутри субстрата их связь не ослабевает, а, напротив, усиливается, и на этой основе укрепляется целостность субстрата, его выделенность из среды. Таким образом, предстает и обретает возможность самостоятельного бытия сущность окружающего мира.

Важным для автора является положение о наследовании приобретаемых в онтогенезе качеств и развитии способов наследования как следствии эволюционного процесса структурной обособленности отмеченных функций [Там же. С. 88, 101]. Большое внимание Э.Б.Ахназаров уделяет социальной стадии развития материи, т. е. эволюции человека. Говоря о предках человека, он отделяет животные отношения от социальных и считает, что характер последних определяется развертыванием специфических человеческих свойств [Там же. С. 180].

Направленность эволюции на этой стадии, по Э.Б.Ахназарову, обусловлена дальнейшим разделением функций отражения и воздействия преимущественно между отдельными индивидами в рамках одной общности. Такой способ существования назван «расщепленной жизнедеятельностью» [Там же. С. 195]. Ранговое структурирование сообщества «предшественников» (так собирательно автор называет предков человека) является отражением развертывания взаимодействия основных свойств материи и, следовательно, неизбежной стадии развития животного, а затем и человеческого общества. Впоследствии Э.Б.Ахназаров признал ограниченность такого подхода и подверг сомнению функциональную специализацию людей. Системой, в которой происходит синтез основных функций, расщепившихся в результате взаимодействия индивидов, он признал каждого человека [Там же. С. 273, 274].

Дальнейшим развитием разработанной Э.Б.Ахназаровым концепции является идея об откреплении функций О и В и непрерывный их обмен между субъектами, носителями этих функций. В связи с этим феномен человека раскрывается как эволюционирующая материя, обнаруживающая особое качество, индуцирующее внутренне присущие только ей закономерности развития на новой, социальной стадии [Там же. С. 227]. Отсюда вытекают те основные положения, исходя из которых Э.Б. Ахназаров решает проблему взаимодействия биологического и социального в человеке. Он пришел к выводу, что человек представляет собой биологическую субстанцию качественно нового типа, специфика которой определяется его «природной социальностью» [Там же. С. 212, 230]. По его мнению, тело человека является субъектом разрешения центрального противоречия бытия и источником социального движения. Человеческий, «расщепленный» способ жизнедеятельности, для которого характерно отвлечение от актуально переживаемой ситуации, приводит к морфофизиологической перестройке субстрата [Там же. С. 227]. Сущность законов общественного развития, по Э.Б. Ахназарову, следует искать в специфике человека как особом состоянии материи [Там же. С. 251].

Концепция Э.Б.Ахназарова представляется перспективной для решения не только естественнобиологических, но и гуманитарных проблем. В частности, идеи ученого, на наш взгляд, могут быть применены к этнологической проблематике, в центре внимания которой в настоящее время находится одна из основополагающих категорий – этничность.

Этничность как природное свойство

Поскольку обсуждаемый феномен появляется лишь на социальной стадии развития материи, его сущность может быть определена на основании специфических человеческих свойств. Согласно Э.Б.Ахназарову, природа человека заключается в обусловленной естественнобиологическими предпосылками его социальности, в биологических потенциях расщепления его жизнедеятельности [Там же. С. 226, 230]. Этничность человека, следовательно, также можно представить как «социальную реализацию его природных свойств» [Там же]. В литературе уже высказывалось мнение, что этничность – это производная от «социального инстинкта коллективности» [Чешко, 1994. С. 41].

Условием появления разума и источником собственно человеческого способа жизнедеятельности является «такой момент, когда деятельность человека предстает перед ним самим (т. е. перед его отражательной деятельностью) в качестве чего-то постороннего, внешнего» [Ахназаров, 2002. С. 226]. Созвучна этому идея С.Е.Рыбакова, согласно которой этничность рождается в зоне контакта сознания с бессознательным [1998. С. 8]. Следует, как

* Работа выполнена при поддержке фонда «Эволюционные исследования».

Людмила Николаевна Хаховская - с.н.с. лаборатории истории и археологии СВКНИИ ДВО РАН

нам кажется, учитывать и мнение Л.Н.Гумилева, помещавшего этнос в «зазор» между природой и обществом [1971. С. 80].

Если взглянуть на проблему формирования этничности с таких позиций, то можно предположить, что существовал рубеж, когда отдельному человеку предстали не отдельные же индивиды, а весь коллектив в его совокупности, осуществляющий жизнедеятельность в определенном ландшафте. Как будет показано, этничность, принадлежа более к сфере чувственного, нежели логического мышления, в значительной мере опирается на образное восприятие (отражение). Каждый человек, таким образом, увидел себя в коллективном зеркале как «своих», так и «чужих», что повлекло за собой потребность личности провести групповую идентификацию (воздействие). Действительно, согласно мысли Э.Б.Ахназарова, «воздействие по своей сущности есть трансцендирование. Его потенция (сущность) – выход субъекта за свои пределы, экспансия своего значения» [2002. С. 286].

Здесь можно предположить следующую модель. В ранней человеческой истории идентификация отдельной личности, осуществляясь в рамках натального сообщества, опиралась на механизм запечатления (О) и опознавания (В) с окружающим миром, который был представлен природной средой и социальной сферой – совместно проживающими близкими родственниками. Стремление запечатлеть окружающий мир – одно из наиболее характерных проявлений человеческого разума. «Образы – не что иное, как своеобразное оптическое устройство памяти, которое позволяет запечатлеть на долгое время и опознать ту или иную ситуацию. …мозг интересуется картинками вне зависимости от нашего желания» [Денисюк, 1971. С. 2]. В указанном механизме, универсальном и для человека, и для его предков, на наш взгляд, заключается этногенное проявление взаимодействия основных функций биосоциального субстрата.

Так как групповая идентичность обеспечивает чувство защищенности и востребованности, это обусловливает высокую корреляцию формирующейся этничности с положительными эмоциями. «Для человека, как существа социального, – пишет В.И.Козлов, – сформировавшегося только в органической связи со становлением человеческого общества, осознание своей принадлежности к более широкому кругу лиц является не только естественным, но и необходимым чувством, дающим ему уверенность в жизни, оправдывающим само его существование на земле» [1967. С. 108].

В рассмотренном аспекте результирующая взаимодействия функций отражения и воздействия вела к усилению внутригрупповой интеграции, что повышало адаптивные свойства сообщества и способствовало его выживанию. При этом мерилом отдельной личности были не ее собственные свойства, а наиболее существенные черты окружающей среды. Сила этого отражения была такова, что порождала мощный механизм соотнесения (воздействия). К примеру, владеющая языком жестов шимпанзе, воспитанная людьми, считает себя человеком, а других шимпанзе называет «черными тварями» [Линден, 1981. С. 54].

Непрерывное развитие сообщества в биологическом и социальном плане приводило к возрастанию различий между его членами. Бессознательная фиксация этих различий служила основой формирования, если можно так выразиться, оборотной стороны этничности – противопоставленности «более дальним». Этот внешний мир, переходя во «внутреннее» субъекта, актуализировал те особенности его поведения (воздействия), которые характеризовались все более возраставшим стремлением к индивидуализации, страхом перед обезличиванием. Вероятно, в определенный период онтогенеза это приводило к «отталкиванию» от наиболее «подобных» индивидов – самых близких родственников – и порождало дальнейшее развитие социальных структур, которое заключалось в обмене индивидами между двумя (или более) взаимобрачными группами, хотя и родственными, однако несколько отличными. Выбор брачного партнера, по-видимому, также является формой идентификации, в которой, однако, реализуется этничность как бы с переставленными знаками.

Особенности человеческого мышления таковы, что обобщенное, абстрактное представление о своей и чужих группах, а тем более их категоризация опирались на конкретные проявления, получаемые посредством органов восприятия. «Абстрактное (логическое) мышление … возникает только тогда, когда нечто предстает перед нами непосредственно («присутствует» с очевидностью...» [Ахназаров, 2002. С. 302]. В ходе эволюции человеческий мозг достиг величайшего совершенства в искусстве образной идентификации. Любой человек «обладает сверхсовременным счетным аппаратом, который каким-то непостижимым образом с невероятной тонкостью оперирует образами внешнего мира» [Денисюк, 1971. С. 2].

Особенно важной представляется способность упорядочивать информацию в неупорядоченных множествах и мгновенно производить процесс узнавания, поскольку эта функция разума, возможно, является основной, хотя и протекающей бессознательно [Тарасов, 1981. С. 61]. Дискретизация и упорядочение информации в разрезе фиксации черт сходства-различия, видимо, лежат в основе этничности. Первобытному человеку, кроме того, была свойственна бóльшая острота органов чувств, нежели современному. Вероятно, запечатлевались тонкие различия фенотипа, поведения, а также природной среды.

При этом сами по себе морфофизиологические (в том числе расовые) признаки членов сообществ (как актуализация потенциальных состояний) ничего не значат в «этнической диагностике», а имеют значение лишь постольку, поскольку система отражения, осмысливая природную и социальную окружающую среду, переносит их «внутрь организма», модифицируя вследствие этого способ взаимодействия этнических коллективов.

Из сказанного следует, что этничность, как одно из проявлений взаимодействия основных функций материи на социальной стадии ее развития, присуща каждому человеку, и «методикой» этнической идентификации владеют все, во всяком случае (и это также закономерно) в безотчетном варианте. Этот феномен представляется одним из базовых качеств человека. Этнической идентичности свойственна различная степень напряженности, но ее присутствие в структуре личности, по-видимому, обязательно.

Чувство конкретной этнической принадлежности, безусловно, не является врожденным, однако в человеческом сознании имеются структуры, своего рода этническая предрасположенность, наполняющаяся содержанием в онтогенетическом развитии. Чем дальше уходит человек от первобытного состояния, тем более неявный характер приобретает природная основа этничности. Видение этничности как свойства, обусловленного биосоциальной природой человеческого общества, позволяет подойти к рассмотрению этнических сообществ с

позиции эволюционной концепции Э.Б.Ахназарова.

Этничность и этнические общности

В отечественной историографии этнические общности различных уровней и типов рассматривались прежде всего как социальные коллективы, и это справедливо. Не следует, однако, упускать из виду, что «законы формирования и развития социальных структур вполне и безоговорочно природны, т.е. определяются свойствами природы человека, и только ими» [Ахназаров, 2002. С. 231]. Человечество не может существовать иначе, как структурированным на отдельные сообщества. По мнению ряда ученых, этничность формирует этносы, а не наоборот [Рыбаков, 1998. С. 6].

Исходя из этого видения, этничность имплицитно свойственна самоорганизующимся человеческим коллективам. Л.Н.Гумилев определял этнос как «коллектив людей (динамическая система), противопоставляющий себя всем прочим аналогичным коллективам («мы» и «не мы»), имеющий свою внутреннюю структуру и оригинальный стереотип поведения» [1978. С. 97, 98].

Этнические общности возникли «раньше многих других общностей, еще на заре человеческой истории, как необходимая форма жизни и форма групповой борьбы за существование» [Козлов, 1967. С. 109]. Н.Н.Чебоксаров [1967. С. 101] считал, что племя, состоявшее из нескольких (первоначально, вероятно, двух) экзогамных родов, было древнейшей территориально-социальной общностью людей современного вида, возникшей на базе первобытного стада. Показано, что на начальных этапах антропогенеза формы сообществ были унаследованы от животных предков человека, тогда как их содержание обновлялось. Праобразы целого ряда социальных структур человеческого общества также развились «из предпосылок и зародышей, унаследованных от животных предков» [Бутовская, Файнберг, 1993. С. 19].

Осознание принадлежности к конкретной общности людей и противопоставление собственной группы другим коллективам сформировалось на самых ранних этапах человеческой истории [Алексеев, 1976. С. 124]. В значительной степени это было следствием рассмотренного механизма идентификации с социальным окружением. В начальные периоды онтогенеза взаимодействие функций О/В выражалось в установлении социальных связей преимущественно с близкими родственниками.

Одновременно в ходе естественного отбора в человеческих коллективах закрепился инстинкт избегания половых связей с близкими родственниками и товарищами по возрастной группе, который опирался на отсутствие полового влечения к членам собственной группы. Уже в сообществах предков человека действовали механизмы, на биологическом уровне затруднявшие половые связи внутри коллектива. По мнению М.Л.Бутовской и Л.А.Файнберга, отсутствие половых контактов между совместно выросшими людьми автоматически приводит к экзогамии коллектива. Возникновение экзогамии, таким образом, определяется характером биологического и социального развития «предшественников» [1993. С. 83].

Запрет близкородственных скрещиваний как функция опережающего отражения действительности вступает в противоречие с воздействующим механизмом, направленным на предпочтительные устойчивые связи между близкими родственниками, которые составляют основное окружение человека в детский и подростковый период жизни. Разрешение отмеченного противоречия реализуется в пространственном разобщении коллектива на два (или более) взаимобрачных рода, которое может быть охарактеризовано как форма расщепленной жизнедеятельности, порождающая соответствующие ей социальные структуры.

Наряду с тенденцией к половым связям вне натальной группы действовала и другая, которая ограничивала эти связи взаимобрачными родами, составлявшими одну популяцию. Это привело к возникновению эндогамного племени, состоящего из экзогамных родов. Восстановление на новом структурном уровне утраченной было целостности привело к устойчивости развивающихся человеческих коллективов. В этом проявляется действие универсальной тенденции, выявленной Э.Б.Ахназаровым, – «усиление функциональных связей между индивидами и на этой основе возрастание целостности общественного организма» [2002. С. 213].

Переход части членов в другой род сопровождался, как показано, формированием «обратной» этничности. По-видимому, в ходе дальнейшей эволюции человека границы «природнения» и, соответственно, «отчуждения» были подвержены постоянной инверсии.

Этнические общности не только создаются, но и разрушаются. Механизм их разрушения уже заложен в присущей роду экзогамности. Имея в виду именно эту функцию рода, Ю.В.Бромлей назвал его «антиэтносом» [1972. С. 64]. В образовании новых этнических коллективов немаловажную роль играло инновационное поведение молодых поколений, включавшее и брачный выбор.

Таким образом, этничность является одним из источников и механизмов самоорганизации человеческих коллективов. Системообразующая роль рассматриваемого феномена заключается в том, что чувство принадлежности конкретному коллективу и отграниченности от других непрерывно изменяется, это сопровождается расщеплением способов жизнедеятельности и усложнением общественных структур.

Этничность как механизм наследования

Формирование способов наследования признаков, по Э.Б.Ахназарову, служит одним из аспектов фундаментального процесса развития и закрепления структурной дифференциации функций О и В и поэтому является следствием, а не причиной эволюции [2002. С. 88]. Осмысливая этот подход, можно рассматривать этнические сообщества как «сгустки информационных связей» [Арутюнов, Чебоксаров, 1972]. При этом весь комплекс воздействующих факторов характеризуется как эволюционно сложившийся, иерархически организованный поток информации, включающий структурную (количество ингредиентов пищи и газов воздуха, входящих в обмен веществ организма), генетическую (репродуктивное наследование), сенсомоторную (чувственную, первосигнальную), вербальную (словесную, второсигнальную) и надвербальную (кодированную культуру).

Два первых вида информации являются биологическим фундаментом, на котором развиваются другие виды. Процесс аккумуляции и передачи этой информации осуществляется посредством генетических механизмов. Наряду с генетическими программами в ходе эволюции возникли и иные формы аккумуляции коллективного жизненного опыта, заключающиеся в способности высших животных преобразовывать индивидуальный опыт в стадный и передавать его другим поколениям путем подражания (сигнальная наследственность). Это своего рода биосоциальные традиции, которые также называют «про-

тотрадициями» из-за их внегенетической и групповой природы, а также потому, что они явились непосредственной стартовой площадкой для формирования собственно культурных традиций [Маркарян, 1981. С. 83].

Наследование культурной традиции связано и с формированием речевого мышления. Базирующийся на нем человеческий язык создал совершенно новые возможности для фиксации, хранения, преобразования и передачи жизненного опыта. Принято считать, что в человеческом обществе именно «социальное наследование» культурных традиций является господствующей формой по сравнению с генетической информацией [Там же]. Все же некоторыми исследованиями показано, что антропологические свойства оказываются более стабильными, нежели другие этнические признаки. Смена, например, языка и другие значительные изменения в культуре часто сопровождаются сохранением генетической непрерывности [Алексеев, Бромлей, 1968].

Механизм передачи сенсомоторной информации имеет биосоциальную природу, так как им обладают и животные, а вербальной и надвербальной – социальную, свойственную только людям. Возникновение самоорганизующихся человеческих сообществ связано с особой формой наследования, состоящей в групповой стереотипизации деятельности, которая сопровождает принятие биологических или социокультурных инноваций в ходе адаптивного взаимодействия со средой. Люди обладают поведенческой предрасположенностью, связанной с природой сенсомоторного аппарата, свойствами нервной системы и способами восприятия информации [Бутовская, Файнберг, 1993. С. 8]. Эта предрасположенность имеет непосредственное отношение к обсуждаемой проблеме. По мнению ряда авторов, основой этничности является именно сигнальная наследственность [Гумилев, 1989. С. 308; Рыбаков, 1998. С. 7].

Если принять точку зрения об эволюционном развитии форм наследования, то становится ясно, что этнос развивается на основе популяции, а не наоборот, как полагал Ю.В.Бромлей [1969]. Впрочем, Ю.В.Бромлей отходит от первоначальной схемы, говоря о малых популяциях (изолятах): «если изоляты оказываются сравнительно устойчивыми, то они неизбежно приобретают определенные этнические свойства» [Там же. С. 90]. Действительно, социальные институты не могут найти приложения вне людей [Гумилев, 1971. С. 80].

На основе популяции формируются и расы. «Каждая популяция, несомненно, характеризуется тенденцией к усилению однородности генетического фонда, т.е. стремлением к превращению в расовое подразделение. Именно это свойство популяции, как полагают сторонники популяционной концепции, и привело к образованию рас» [Обсуждение…, 1970. С. 87]. Это обусловливает высокую степень сопряженности расовых и этнических общностей. Но если наследование расовых характеристик не выходит за пределы первых двух форм передачи информации, то этничность охватывает в основном сигнальную преемственность, отсюда вытекают причины несовпадения между расой и этносом.

Этничность, по-видимому, все же связана с генетическим механизмом наследования, но не прямо, а по принципу обратной связи. Известно, что однородность генетической и культурной информации и передачу ее из поколения в поколение обеспечивает эндогамия [Обсуждение…, 1970. С. 86], в то время как появлению инноваций, по нашему мнению, способствует внутри этнической общности – экзогамия, а вне ее – прорыв эндогамии. Именно брак (его биологические и социальные аспекты) является наиболее радикальным средством включения в этнос «чужеродных элементов» [Бромлей, 1969. С. 87]. Если этнос формируется из резко различающихся расовых групп, то только их брачное смешение (широкая метисация) создает основу для возникновения чувства этнической близости. Тем не менее В.П.Алексеев пришел к выводу, что воздействие социальных факторов ускоряет, а не замедляет биологическую дифференциацию человечества [1976. С. 119]. По-видимому, человеческий, «расщепленный» способ жизнедеятельности, приводит к постоянной морфофизиологической перестройке субстрата [Ахназаров, 2002. С. 227].

Таким образом, посредством этничности решается ряд взаимосвязанных задач: сохранение видового единства человечества при увеличении биологического разнообразия; интеграция коллективов для осуществления социального взаимодействия при непрерывной их дифференциации; сохранение традиций при обеспечении инноваций.

Поэтому неотъемлемым атрибутом зародившихся в недрах биологического (целостного, по терминологии Э.Б.Ахназарова) способа существования социальных структур является неизбежность их дальнейшего усложнения («расщепления») и усиления взаимодействия составляющих. Причем их развитие определяется динамикой доминирующей функции отражения, поэтому характеризуется усилением интеллектуализации [Ахназаров, 2002. С. 229]. Реализацией такого процесса служит постоянное наслоение социокультурных «оболочек» человечества.

Спецификой собственно человеческого способа деятельности, по мнению Э.Б.Ахназарова, является то, что каждый психологический и поведенческий акты (функции О и В) отмечены тенденцией к расщеплению на обособленные направления, т.е. вновь на функции О и В. Их дробление, в частности, ведет ко все большей мозаичности этнической сферы.

Этничность и самосознание

В отечественной историографии было принято считать, что внешним выражением этнического самосознания является самоназвание [Крюков, 1984]. Используя положение Э.Б.Ахназарова о том, что «отражение – это мир, внесенный вовнутрь», а «знак – воздействие, вынесенное вовне» [2002. С. 287], рассмотрим процесс формирования этнонимов, в том числе самоназваний. По-видимому, речь может идти о выделении следующих уровней этнической диагностики. Вначале это бессознательный акт, основанный на непосредственном восприятии как отражении сущности. На границе бессознательного и сознания (этническая апперцепция, по С.Е.Рыбакову [1998]) происходит идентификация, выраженная в символических, отражающих глубины подсознания, формах. Затем следует называние – акт осознанный, дающий возможность управления (воздействия). Деятельность человеческого разума, стимулируемая образами, порождает символы, реализуемые в качестве знака, который вновь наполняется образным содержанием. Собственно, по нашему мнению, этничность можно рассматривать как образ, постоянно переосмысляемый в знак. Одной из основных знаковых категорий в рассматриваемом нами аспекте является этническое имя. Модель «конструирования» этнонимов можно усмотреть в обряде наречения имени, до недавнего времени бытовавшем среди коренных народов Северо-Востока Азии. Здесь называнию предшествовало «узнавание» по

физическому облику, особенностям поведения и речи.

По-видимому, о знаках, представленных в этнической номенклатуре, нельзя говорить как о имеющих либо внутреннее, либо внешнее по отношению к обозначаемой общности происхождение. Потенциально существующие эндоэтнонимы (родовые имена, названия местностей, имена богов и пр.), как правило, не функционируют в качестве таковых. Субъектом их актуализации является не референтная группа, а контактирующая с ней этническая общность. При этом из всего спектра потенциальных самоназваний выбираются те, которые наиболее адекватны восприятию контактной группы. В дальнейшем они воспринимаются исходной общностью или навязываются ей.

В то же время характеристики этнической общности, отраженные в коллективном сознании (собственном и других) и выраженные в знаковом виде (этноним), обычно бывают связаны не непосредственными, а прошедшими через многочисленные акты реидентификации отношениями. Чем выше роль сознания в этом процессе, тем менее точен этноним. Поэтому «сеть» из символов, описывающих мозаичность этносферы, редко позволяет сразу уловить наиболее сущностные черты этнических общностей. Символическая фиксация в виде этнонима в большей степени отражает все более усложняющиеся наличные структуры общества, чем осмысливает действительные различия между ними. Следовательно, правомерен вывод, что одной из функций знака является дискретизация мира [Ахназаров, 2002. С. 293].

Отделившись от обозначаемой общности (образа), имя (знак) начинает жить самостоятельной жизнью. Отсюда проистекает хорошо знакомый этнологам «дрейф» этнонимов. Изучение его направленности, возможно, позволит проследить предполагаемую закономерность, вследствие которой «склеивание» этнонима с другой этнической общностью может произойти в том случае, если оно озвучивает (отражает) какие-либо сходные черты ее воздействующего образа.

Наконец, Э.Б.Ахназаров пришел к важному положению о том, что «спецификой сознания определяются все проявления социального взаимодействия в конкретных условиях бытия, в том числе и развитие материально-практической деятельности человека. Не сознание выступает в качестве второй производной материального производства, но все вообще конкретные проявления человеческой деятельности являются превращенными формами, инобытием свойств сознания, в котором, в свою очередь, предстает миру специфическая природа человека» [2002. С. 231]. Поскольку специфическая природа человека в полной мере отражена в этничности, правомерен вывод о иерархически организованной структуре рассматриваемого феномена, основой которого является сознание, а все иные проявления суть производные от последнего. Не случайно многократно отмечено, и это уже стало аксиомой, что именно самосознание является последним оплотом этничности. Более того, если к признакам, характеризующим этнические общности, и далее применять критерий устойчивости к внешнему воздействию, то материальное производство окажется самым неустойчивым, подверженным быстрым изменениям признаком. Более устойчивыми оказываются, по В.П.Алексееву, биологические особенности и язык [1974. С. 308].

Заключение

Вывод, который вытекает из постулируемой Э.Б.Ахназаровым особой природы человека, как биологической субстанции, имплицитно аккумулирующей основную характеристическую черту – социальность, приводит нас к мысли о том, что потребность в идентификации – одно из основополагающих человеческих качеств, а этничность – универсальная форма ее воплощения. Будучи порождением фундаментальных свойств социальной материи, этничность, по нашему мнению, является категорией исторически непреходящей, но подверженной модификации из-за того, что ее носители актуализируют различные основания для идентификации. Отсюда этничность видится как механизм структурирования человеческих сообществ, непрерывно воспроизводящийся на постоянно расщепляемой социальным развитием основе. В свою очередь, структура этнической идентичности также отмечена постоянной тенденцией к дискретизации, и это находит выражение во все возрастающей индивидуализации личности. Востребованность этничности обусловлена тем, что, как отмечено еще Ю.В.Бромлеем, пределом делимости этноса является отдельный человек [1972. С. 68]. В конечном итоге функция обсуждаемого феномена, возможно, и заключается в «атомизации» социума.

Безусловно, высказанные предположения – лишь предварительная попытка приблизиться к решению столь дискуссионных проблем, как природа и сущность этнической субстанции. Вместе с тем путь, подсказанный идеями Э.Б.Ахназарова, может способствовать лучшему пониманию места и роли этничности в эволюции человека.

Литература

Алексеев В.П. География человеческих рас. – М.: Мысль, 1974. – 351 с.

Алексеев В.П. О роли социальных факторов в биологической дивергенции человеческих популяций // СЭ. – 1976. – № 4. – С. 114–131.

Алексеев В.П., Бромлей Ю.В. К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей // СЭ. – 1968. – № 2. – С. 35–45.

Арутюнов С.А., Чебоксаров Н.Н. Этнические процессы и информация // Природа. – 1972. – № 7. – С. 58–62.

Ахназаров Э.Б. Контуры эволюции. – СПб.: Недра, 2002. – 440 с.

Бромлей Ю.В. Этнос и эндогамия // СЭ. – 1969. – № 6. – С. 84–91.

Бромлей Ю.В. Опыт типологизации этнических общностей // СЭ. – 1972. – № 5. – С. 61–81.

Бутовская М.Л., Файнберг Л.А. У истоков человеческого общества (Поведенческие аспекты эволюции человека). – М.: Наука, 1993. – 256 с.

Гумилев Л.Н. Этногенез – природный процесс // Природа. – 1971. – № 2. – С. 80–82.

Гумилев Л.Н. Биосфера и импульсы сознания // Природа. – 1978. – № 12. – С. 97–105.

Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1989. – 496 с.

Денисюк Ю.Н. Образы внешнего мира // Природа. – 1971. – № 2. – С. 2–14.

Козлов В.И. О понятии этнической общности // СЭ. – 1967. – № 2. – С. 100–111.

Крюков М.В. «Люди, «настоящие люди» (к проблеме исторической типологизации этнических самоназваний) // Этническая ономастика. – М.: Наука, 1984. – С. 6–12.

Линден Ю. Обезьяны, человек и язык. – М.: Мир, 1981. – 272 с.

Маркарян Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции // СЭ. – 1981. – № 2. – С. 78–96.

Обсуждение статьи Ю.В.Бромлея «Этнос и эндогамия» // СЭ. – 1970. – № 3. – С. 86–103.

Рыбаков С.Е. К вопросу о понятии «этнос»: философско-антропологический аспект // ЭО. – 1998. – № 6. – С. 3–15.

Тарасов Е.К. Случайна ли эволюция? // Химия и жизнь. – 1981. – № 2. – С. 57–65.

Чебоксаров Н.Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых // СЭ. – 1967. – № 4. – С. 94–109.

Чешко С.В. Человек и этничность // ЭО. – 1994. – № 6. – С. 35–49.